

Жанровые традиции в религиозно-поэтическом сознании Т.Кибирова //
Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н.Каразіна. – № 745.–
Харьков, 2006. – С. 139-142.

Н.И.Ильинская

Жанровые традиции в религиозно-поэтическом сознании Т.Кибирова

Укорененность Т. Кибирова в русской духовно-поэтической традиции демонстрирует актуализация традиционных жанров религиозно-философской поэзии, аллюзивно-реминисцентный репертуар, охватывающий библейскую топику, духовные стихи из русского религиозного фольклора, популярные или известные преимущественно специалистам интертекстуальные источники. Культурная преемственность сохраняется и в наследовании ценностным ориентациям, присущим русской литературе, в противовес размытости и релятивизму современной социокультурной ситуации.

Несмотря на то, что о концептуализме и творчестве Т. Кибирова написано немало [1; 2; 3; 4], специфика религиозно-поэтического сознания поэта и его реализация в жанровой системе, исследователями не рассматривалась. Отдельные наблюдения имеются в монографии М. Берга [2], статьях А. Немзера [7:15], Е. Ермолина [4:202].

На фоне размытых жанровых систем постнеклассической эстетики Т. Кибиров относится к категории поэтов, для которых характерно акцентированное жанровое мышление, о чем свидетельствуют авторские номинации: «Молитва», «Переложение псалма», «Эпитафия бабушкиному двору», «Баллада о деве Белого плеса», «Эклога», «Послание Ленке», «Идиллия из Андрея Шенье», «Денису Новикову. Заговор», «Двадцать сонетов к Саше Запоевой», включая многочисленные отсылки к

музыкальным жанрам: песни, романсы, вокализы, колыбельные и т. д. Уже на уровне заглавий просматривается тяготение поэта к «онтологическим» (В.Хализев) и маргинальным жанрам, трансформациям жанрового канона, связанным с обновлением/игрой с традицией.

Исходя из предмета нашего исследования – жанровая традиция и ее реализация во внеконфессиональном типе религиозно-поэтического сознания Т. Кибирова, мы остановимся преимущественно на «онтологических жанрах», «где человек соотносится с космическими началами, универсальными законами миропорядка и высшими силами бытия». Таковыми В. Хализев считает притчу, житие, мистерию, псалмодическую поэзию, элегию и трагедию; к ним также причастны тексты карнавально-смехового характера [10:323–324].

В жанровом репертуаре Т. Кибирова легко адаптируются пародийные агиографии, сохраняющие доминантные признаки исходной модели – устремление героя к идеалам праведности и святости, включение в житийное повествование самостоятельных жанров похвалы, плача, как, например, «Плач по Константину Устиновичу Черненко» (поэма «Жизнь К. У. Черненко»); стихотворные молитвы; псалмы и их переложения. Религиозно-поэтическое сознание Т. Кибирова ориентировано на создание стихотворений игрового характера в молитвенной форме («Молитва») или воспроизводящих в самом общем виде диалогическую структуру молитвенной ситуации. Автор использует элементы жанрового канона (молитвенные просьбы, славословие, благодарность) и традиционный набор риторических фигур (обращение к сакральному адресату, рефрен, анафора, лексические конструкторы молитвословия), например, в стихах «Большое спасибо, Создатель...», «Инвентаризационный сонет», «Господи, благослови мою Россию...», «За все, за все...».

Так, поэма «Сквозь прощальные слезы» завершается эпилогом – молитвой за спасение России, которая предстает в традиционно поляризованных характеристиках: «великая», «умная» Родина – «неловкая Россия»,

«неумная». Не только любовь к близким, но и «слезная» жалость к слабым мира сего и даже к «несчастному», «опасному», «уродскому Черненко», олицетворяющему в художественном мире Т. Кибирова завершение «светлого пути» тоталитарного государства, его исторический итог, составляет религиозно-этическую основу текста. Амбивалентность отношения лирического субъекта к Всевышнему проявляется, с одной стороны, в покаянной молитве за всех: «Господь! Прости Советскому Союзу» [5:60]; с другой – неверие в справедливость и мудрость Творца разрушает религиозное чувство поэта: «Он не сможет простить. Если Бог – Он не сможет простить / эту кровь, эту вонь, эту кровь, этот стыд. / Нас с тобой Он не сможет простить» [5:167]. И это является одним из константных признаков внеконфессионально-религиозного типа поэтического сознания.

Лирический сюжет стихотворения Т. Кибирова «Молитва» внешне ориентирован на традиционный канон молитвословия, о чем заявлено в сильных позициях текста – названии и зачине: «Господь мой, в утро Воскрешенья / вся тварь воскликнет: Свят, Свят, Свят!». Дальнейшее развитие ситуации в игровом модусе «обманывает» горизонт ожидания читателя, поскольку лирическим субъектом вопрошается: будут ли в вечности комары, доставляющие столько неприятностей роду человеческому в земной жизни? В контекстуальном пространстве происходит диффузное смешение сакрального и профанного – *sacrum* жанрообразующей ситуации Богообщения, трансцендентный постэсхатологический топос, причастность лирического субъекта абсолютному бытию «снимается» его «ироико-комической» ролью «предстателя» и заступника, радеющего перед Божьим Престолом за преобразование в вечности комара. Автор балансирует на грани кощунства: апокалипсис – тайна Господня, апофатичный, как все глубоко сакральное, в религиозно-поэтическом сознании Т. Кибирова подвергается пародийному пересмешничеству за счет а) обилия перифрастических оборотов («Весть патмосского провидца», «овечки пажити Твоей», «летучих сонмы наглецов»); б) иронического снижения могущества «Поядающего

Огня» до весьма комического деяния – преобразования «малых сих», чтобы «его рубиновое пузо» рдело в «вечности благоуханной», заняв достойное место «меж ангелов и голубей»; в) сочетания различных лексических пластов, сближения в одной конструкции библеизмов и поэтизмов с просторечием, нейтральной лексикой («комар невинный, осиянный»); г) размещения (на грани глума) в едином семантическом поле несоизмеримых и далеко отстоящих друг от друга понятий (перечень насекомых-паразитов) и Имени Господня; д) демифологизации образа поэта путем сближения поэтической личности с комаром на основе двух якобы общих качеств – оценки «творческого» дара («зудят») и эфемерности жизни и смерти (легко прихлопнуть).

Культурная память включает формы эстетико-игрового отношения к священному слову, травестирование библейских сюжетов, литургий, молитв и гимнов [6:958]. Причастность пародийной молитвы Т. Кибирова жанровому канону *parodia sacra*, помимо выявленных приемов, ярко демонстрирует финал стихотворения, усиливающий признание лирическим героем совершенства и полноты Творения, выраженное в форме лирико-пародийного энкомия комару, поскольку даже без одной из Божьих тварей вечность оскудеет. Апелляция к Абсолюту разрешается в мотиве евхаристического освящения Его земной иконы «непорочным тем вином, / чей вкус предчувствуется ныне / в закатном воздухе Твоем!» [5:279]. Подчеркнем, мотив Божественной Евхаристии – сквозной для поэзии Т. Кибирова, одна из ценностных доминант его религиозно-поэтического сознания – символизирует спасение от демонических соблазнов, адской бездны и надежду на бессмертие даже несмотря на отсутствие твердой веры: «И надежнее всех дезинфекций/ галилейское это вино, / что текло по усам, не попало / в искривленный ухмылкою рот. / Но и этого хватит, пожалуй. / Не умру. И никто не умрет» [5:498].

В жанровом репертуаре Т. Кибирова есть стихотворения, которые можно (с определенной натяжкой), отнести к благодарственным молитвам,

поскольку и сам автор с ироничной мудростью осознает насквозь мирскую природу своего «хваления»: «Спасибо. И Ты уж прости мне, / что толком не верую я, / что тостом дурацким, не гимном /опять славословлю Тебя!» [5:502]. Так, в стихотворениях «Большое спасибо, Создатель...» и в близком по тематике «За все, за все...» Т.Кибиров развивает мотив благодарения Творцу за простые земные блаженства и творческий дар. Посредством каталогизации поэт тонко снижает патетику, избегая «нудительной серьезности», сближает, а затем и уравнивает в правах «грешное и праведное»: «Спасибо за мозг и за фаллос, / за ухо, и горло, и нос /... / что не по грехам моим судишь, / а по милосердию Твоему /... / что Ты не зануда и жмот, / и не призываешь к ответу/ за каждый насущный ломоть!» [5:501].

Между стихотворением «За все, за все...» из цикла, посвященного памяти Державина («Парафразис» 1992-1996), а потому неслучайно заполненного реминисцентными мотивами, образностью этого жизнелюбца и певца гармонии, интертекстуально подтверждающими «наследование по прямой», и последним – «Большое спасибо, Создатель...» из «Юбилея лирического героя» (2000) пролегают, по сути, наиболее плодотворные для Т. Кибирова годы, несмотря на творческие кризисы с неизбежными разочарованиями в себе и в разумности мироустройства. Стихотворение «За все, за все...», аллюзивно восходящее к лермонтовскому тексту, содержит полемические выпады против романтизированного «мучения страстей» в защиту идилических радостей и трогательную просьбу к Всевышнему подольше задержать его на празднике жизни в числе, пусть и «неизбранных», гостей: «Устрой лишь так, чтоб я как можно дольше / за все, за все Тебя благодарил» [5:274] (срв. с лермонтовским: «Устрой лишь так, чтобы Тебя отныне/ Недолго я еще благодарил»). Таким образом, посредством реминисценции создается обрамляющая конструкция, акцентирующая мотив благодарения как доминантный. Как видим, поэт не устает славословить и благодарить Создателя, хотя и делает это в далеко не канонических, а порой и

апофатических формах. Но это – свободное право поэта и человека, дарованное ему свыше.

В русской духовно-поэтической традиции жанр стихотворной молитвы представлен широко и многогранно. Даже если ограничиться Серебряным веком, то это имена, безусловно, первого ряда: И. Бунин («За все тебя, Господь, благодарю»), К. Бальмонт («Зачем?», «Звезда пустыни»), В. Брюсов («Облегчи нам страдания, Боже!», «Ангел благого молчания (Молитва)»), Д. Мережковский («Молитва о крыльях», «Бог», «De profundis»), З. Гиппиус («О другом», «Христу», «Дар», «Божья тварь»), К. Р. («Молитва», «Не говори, что к небесам...»), Н. Минский («Молитва»), А. Блок («Неведомому Богу», «Полна усталого томленья...»), А. Ахматова («Молитва»), Н. Гумилев («Я не прожил, я протомился»), М. Цветаева («Так, Господи, и мой обол») – и названы далеко не все поэты и стихи. В отличие от «молитвослова» Т. Кибирова, преимущественно приватно-мирской направленности, в корпусе стихов Серебряного века жанр молитвы глубинно отражает внутреннее видение и переживание ситуации Богообщения, метафизических истин, несет их мистический и духовный свет, действительно являясь лишь одной из поэтических форм, которую «принимает в душе молитва» (З. Гиппиус). Иными словами, факт культурной преемственности налицо, но другой масштаб и накал сферы религиозных исканий, художественно воплощенных в образе Бога и в духовном воссоединении человека и Творца в молитве.

Заметим, что религиозно-поэтическое сознание Т. Кибирова включает и такой опыт Богообщения, художественно отображенный в близком к стихотворной молитве жанре – псалме. Переложение псалмов – древнейшего библейского жанра – составляют мощную традицию в русской поэзии, начиная с опытов Симеона Полоцкого (XVII) и заканчивая новейшей поэзией XX века (Е. Шварц, Т. Кибиров, С. Аверинцев, Г. Сапгир). Типологии псалмов достаточно разнообразны, но все они, как правило, основаны на тематических критериях [6:830]. Наиболее репрезентативным представляется

такое деление: скорбные псалмы-ламентации, псалмы-хваления, псалмы-поклонения, известные также как песни Сиона [8:141].

«Переложение псалма» [5:160] Т. Кибирова относится к рубрикации скорбных псалмов-ламентаций. Жанрообразующей является религиозно-эмоциональная доминанта – взывание мятущейся, устремленной к Абсолюту души, с мольбой «сдвинуть гору неверия». Контекстуальное пространство стихотворения невозможно свести только к одному претексту – оно охватывает ключевые для «Псалтыри» мотивы, но наиболее близок Псалом 24. Субъектно-образная структура поэтического текста Т. Кибирова в основном соответствует жанровому канону (обращение к Богу; плач / сетование; прошение или мольба; упование на Бога; обещание прославить Всевышнего), однако значительно расширена одна из ее составляющих – «молитвенное вздыхание» о Боге. Семантика молитвенной просьбы обусловлена острым переживанием кризисного момента в жизни псалмопевца – несоответствия Божьему «образу и подобию», признание своей греховности («Я смраден, нищ, озлоблен, наг»), тоска по абсолютной Истине, без познания которой существование лишается смысла («Дабы я жизнь благословил, яви Себя мне, Боже Сил»). Духовная вертикаль, которую выстраивает лирический субъект, взывая к Творцу, маркирована рядом конструкций с сакральной семантикой, включающей имена Бога: «Созижди, Отче»; «яви Себя, Боже Сил»; «реку – Благословен Господь»; «существуй же, Боже правый»; «возносить хвалу Тебе, меня создавый».

«Переложение псалма» Т. Кибирова является стилизацией, о чем говорят не только выявленные нами признаки жанра, но и стилистические приемы. Например, характерные для библейской поэзии параллелизмы («Молю – да двинется гора / неверия, да снидет в душу / Твое присутствие»), высокая лексика. «знаком классики», указывающим на традицию, выступает архаизм «создавый», дополнительные функции которого – в расширении семантического пространства посредством интертекстуальной переклички с державинской одой «Бог»: «Создавый все единым Словом / В твореньи

простираясь новым / (курсив наш – Н. И.), Ты был, Ты есть, Ты будешь век!», в приращении еще одного смысла – утверждения единства и бессмертия творения в Творце. Таково художественное воплощение духовных поисков в жанровом мышлении Т.Кибирова.

Литература

1. *Бавильский Д.* Автономия настоящего // Арион. – 1997. – № 4. – С. 68–73.
2. *Берг М.* Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе. – М.: Новое литературное обозрение, 2000. – 352с.
3. *Богданова О.* Постмодернизм в контексте современной русской литературы (60-90-е годы XX – начало XXI века) – СПб.: Филол. Ф-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2004. – 716с.
4. *Ермолин Е.* Слабое сердце // Знамя. – 2001. – №8. – С. 200–212.
5. *Кибиров Т.* «Кто куда – а я в Россию...» / Сост. Т. Кибиров. – М.: Время, 2001. – 512с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий: Под ред. А. Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
7. *Немзер А.* Тимур из пушкинской команды // Кто куда – а я в Россию. – М.: Время, 2001. – С. 5-28.
8. *Райкен Л.* Библия как памятник художественной литературы. – К. – СПб, 2002. – 266с.
9. *Скоропанова И.* Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2001. – 608с.
10. *Хализев В. Е.* Теория литературы. Учеб. – М.:Высшая школа, 1999. – 398с.